

Юбилей

Исполнилось 75 лет Алле Шелест. Этой дате Мариинский театр посвятил представление "Лебединого озера", в котором Шелест некогда блистала.

Юбилею замечательной балерины предшествовал другой — Леонида Яковсона, и так уж получилось, что беседа с Аллой Яковлевной оказалась посвящена главным образом ему, точнее, совместной их работе — прежде всего в "Спартаке" Арама Хачатуряна.

— Каждая встреча с Яковсоном, — говорит Алла Яковлевна, — представляла необычайный интерес, потому что всегда было неожиданностью его пластическое решение, его видение, начиная от его классической лексики до свободной пластики. С одной стороны, у Яковсона много неожиданностей в ходе разработки движения, материал не банальный. С другой стороны, если проникнуться его принципом, как я это наблюдала в работе над Эгиной, Сюимбике и в "Вечном идоле", то подчас можно почувствовать дальнейшее развитие движения.

Яковсон очень хорошо чувствовал индивидуальность актера и, предполагая что-то ставить и поручая кому-то из актеров определенные партии, он никогда, в общем-то, не ошибался. Наш первый с ним разговор о "Спартаке" произошел в холле репетиционного зала училища. Леонид Вениаминович предложил мне станцевать куртизанку Эгину. Я была удивлена: "Какая же я куртизанка? Давайте лучше "поплачу" во Фригии". "Нет, я тебя вижу в Эгине". Потом я ему была благодарна за его настойчивость.

Эта роль вообще стоит особняком, она очень специфична. Была задана единая танцевально-пластическая форма на весь спектакль — стилизация античной скульптуры и вазаписи. Образ Эгины решен партерной пластикой от ритмизованного шага до акробатических положений с небольшими воздушными поддержками в дуэтах. Меня увлек процесс создания образа, драматичного благодаря своей внутренней противоречивости, сильным страстям, ломыслам, которые движут действие. Прежде чем работать над партией Эгины с Яковсоном, я познакомилась с литературой о древнем Риме, прочла "Спартака" Джованьоли, книгу "Гетеры античного мира". Моя Эгина — гетера-личность, человек большой культуры и эрудиции. Эгина талантлива как авантюристка, талантлива как женщина. К тому же она сумела поднять себя до уровня Марка Красса, то есть до уровня государственного деятеля...

Яковсон мало объяснял драматургию, он показывал движения и шаг за шагом выстраивалось содержание. Он при-

Алла Шелест: "Яковсон очень хорошо чувствовал индивидуальность актера"

ходил на репетиции не только прослушав и разобрав музыку, но и высчитав и записав ее ритмический рисунок. Трудно было понять — где у него хореография поставлена, а где он импровизирует. Будучи чрезвычайно музыкальным человеком, Яковсон воспринимал музыку очень чутко. Он насыщал движениями всю музыкальную ткань,

отражая буквально каждый музыкальный штрих, нюанс, музыкальный интервал, создавая цепь движений и положений, логически вытекающих одно из другого. Таким образом, хореография имела сложную вязь движений. Получалась насыщенная танцевальная ткань, монолитная, но дробная, переполненная деталями. Я подчас уходила с головной болью от напряжения — не из-за преодоления технических трудностей, не из-за включения в эмоционально-смысловую сторону образа, а просто от запоминания большого количества движений. Затем, в процессе самостоятельной работы, я подчеркивала или нивелировала эти движения, чтобы выявить музыкально-пластическую структуру хореографии, основную мысль.

Леонид Вениаминович всегда настаивал на исполнении придуманного им движения. Отказывался он от них очень редко, но иногда шел на уступки. Прыжковые элементы для женщин применял редко, а меня всегда несло на прыжки. Так получилось в вариации Эгины на пиру у Красса: последний круг, в общем-то кульминационный, был поставлен партерно, скользящим движением. Музыка "Пира у Красса" — вакхическое упоение, начиная с лирически пряной музыки Менад и кончая музыкой танца "Гадитанских дев", где скрытая страсть и темперамент постепенно обнажаются, переходя в откровенный призыв плоти. Это и есть вариация Эгины — эмоциональная кульминация картины. Лиричность музыки Хачатуряна в этих танцах сочетается с пряностью звучания, с чистотой музыкального строя.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем общении с Хачатуряном, ведь вы — первая создательница образа Эгины-его балете.

— По "Спартаку" наше общение было, к сожалению, редким. Он оставил впечатление очень эмоционального человека, легко входящего в творческий контакт. При этом он был вспыльчив и одновременно очень раним. Открытый темперамент и сильный эмоциональный накал для Хачатуряна очень характерны, но не всегда эти качества его музыки попадали на благодатную почву. В "Гаяне", как и в "Спартаке", Араму Ильичу не повезло с либретто. В "Гаяне" стремились к правдоподобию на сцене, которого не было в музыке: партия Хачатуряна выходила за рамки драмбалета, на который толкала "конструкция" либретто. Я не берусь подробно разбирать его произведения, но его музыка настолько масштабна, темпераментна и динамична, что танцевать ее — одно наслаждение.

Записала

Милана КИРСАНОВА

На снимке: А. Шелест — Эгина.

Яковсон
Шелест

1994